

найлены были столь неблагопріятными, что не могли быть ими одобрены. Это повело къ тому, что свобода печати прекратилась, и возстановлена была предварительная цензура. Инициатива въ этомъ дѣлѣ исходила отъ вновь назначеннаго генераль-губернатора графа Адлерберга, который въ началѣ своей службы въ Финляндіи былъ весьма чувствителенъ къ газетной критикѣ ⁴⁶³). Дѣло происходило такъ: послѣ назначенія генераль-губернаторомъ графа Адлерберга, былъ возбужденъ вопросъ о мѣрахъ, кои, по прекращенію дѣйствія постановленія о свободѣ печати, должны быть приняты относительно ея въ краѣ. Такъ какъ прежнее постановленіе (1865 г.) графъ Адлербергъ находилъ недостаточнымъ, то проектировались нѣкоторыя его измѣненія. Дѣло разсматривалось въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ въ усиленномъ составѣ. Не обращаясь въ сенатъ, по недостатку времени, въ Петербургѣ-же составили предложеніе, которое и было сообщено сейму.

Въ предложеніи говорилось: «Хотя Его Величество и предоставилъ себѣ право по истеченіи срока рѣшать все касающееся печати и надзора за нею, однако,—по мнѣнію комитета,—было бы весьма желательно, чтобы положеніе о печати и впредь могло быть установлено подобнымъ-же постановленіемъ, которое состоялось-бы при содѣйствіи земскихъ чиновъ. Однако въ нѣкоторыхъ газетахъ, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, появились разныя статьи, кои какъ по содержанію, такъ и по направленію несообразны съ положеніемъ, какое должна имѣть періодическая печать въ благоустроенномъ обществѣ. Таковыя уклоненія печати не могли быть съ успѣхомъ преслѣдуемы оттого, что постановленіе о печати въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не полно, а отчасти содержитъ не довольно точныя опредѣленія. Поэтому комитетъ выразилъ желаніе ввести въ законъ соотвѣтствующія дополненія и исправленія. Государь повелѣлъ: «Исполнить» ⁴⁶⁴).

Сеймъ, по смыслу Высочайшаго предложенія,—какъ указалъ депутатъ проф. Ф. Л. Шауманъ,—не имѣетъ права подробнѣе разсматривать его. Онъ могъ или принять или отказаться отъ новаго постановленія по вопросу о свободѣ печати, т. е. дать краткій отвѣтъ на предложеніе: да или нѣтъ. Сенаторъ Снельманъ предлагалъ земскимъ чинамъ принять предложеніе правительства. Законъ о свободѣ печати,—говорилъ онъ,—не есть обыкновенное законоположеніе, а является политическимъ закономъ. «Мнѣ думается, что въ Европѣ найдутся страны, гдѣ подобный законъ признавался бы большимъ преимуществомъ передъ отсутствіемъ всякаго

*

закона. Если намъ предстоитъ будущность безъ закона о печати, то мы возвратимся къ положенію, существовавшему до 1863 года. Каждый, вѣроятно, помнитъ, какое недовольствіе царило тогда въ странѣ въ виду того произвола, которому была предоставлена печать; всякъ помнитъ агитаціи и демонстраціи, которыя слѣдовали одна за другой. Не говорю уже о корреспонденціяхъ, къ которымъ единственно можно было прибѣгать и которыя принесли большой вредъ странѣ»⁴⁶⁵).

По разсмотрѣніи на сеймѣ 1867 года Высочайшаго предложенія, земскіе чины не согласились на проектированныя правительствомъ перемѣны. Проектъ, предложенный сеймомъ, былъ отвергнутъ, и въ административномъ порядкѣ составленъ и утвержденъ новый законъ о печати.

Въ видѣ итога дѣятельности земскихъ чиновъ, отмѣтимъ, что на сеймѣ 1867 года «сословія приняли на себя отвѣтственность за «финляндскій банкъ», ассигновали сумму для выкупа сельскихъ усадебъ, находящихся на донаціонныхъ земляхъ, и на постройку желѣзной дороги Рихимяки-Петербуржской, приняли новый церковный законъ, по которому послѣдователямъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія дозволяется переходить въ другую вѣру и принимать въ свою всѣхъ, кромѣ лицъ православнаго исповѣданія, и имѣть не далѣе, какъ черезъ каждыя десять лѣтъ, церковные соборы. Вообще этимъ закономъ установлена мѣстная финляндская церковь. Затѣмъ, тотъ же сеймъ 1867 года расширилъ свободу торговли и промысловъ, и главное — принялъ сеймовой уставъ, который значительно расширилъ конституціонныя права Финляндіи: имъ узаконено періодическое, не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ, созваніе сеймовъ, предоставлено сословіямъ право свободы сходовъ и др.

Слѣдовательно финляндскій сеймъ 1867 года работалъ столь же усердно и плодотворно, какъ и первый.

При закрытіи сейма епископъ Ф. Л. Шауманъ вновь проявилъ свою строптивость и не встрѣтилъ генераль-губернатора согласно § 7 церемоніала у церковныхъ дверей и вовсе не присутствовалъ на торжествѣ. Государь не одобрилъ поступка Шаумана, но заявленіе генераль-губернатора тѣмъ не менѣе оставлено было Его Величествомъ безъ послѣдствій. Сеймъ былъ закрытъ Высочайшею рѣчью, въ которой говорилось: «Съ наступленіемъ всемилостивѣйше указаннаго Мною срока для закрытія настоящаго сейма, за дѣйствіями коего Я слѣдилъ съ отеческимъ участіемъ, отдавая полную справедливость трудолюбивой дѣятельно-

сти вашей, не могу однако же не выразить сожалѣнія Моего, касательно возникшихъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ недо-разумѣній, въ отношеніи къ Моимъ соображеніямъ, чрезъ что вы сами привели Меня въ необходимость прибѣгнуть къ распоряже-ніямъ, которыхъ я желалъ предупредить взаимнымъ соглашеніемъ на прочныхъ и благихъ началахъ.

Въ опроверженіе возникшаго ошибочнаго толкованія порядка передачи Государемъ сейму предложеній, Мною вмѣстѣ съ симъ Сенату указано на существующія постановленія» ⁴⁶⁶).

Лѣто 1867 года долго оставалось страшнымъ воспоминаніемъ для финскаго земледѣльца. Финляндію посѣтилъ ужаснѣйшій го-лодъ. Грозное бѣдствіе сказалось сперва общимъ недостаткомъ кормовъ, вслѣдствіе продолжительной зимы. Начался падежь и истребленіе скота, ибо приходилось убивать его, за неимѣніемъ продовольствія. «Въ южной Финляндіи земля еще во второй поло-винѣ мая была покрыта сугробами снѣга. Изъ Тавастгуса писали 29 мая (1867 г.): снѣгъ выпалъ еще на этой недѣлѣ, ходятъ по льду; изъ Сердоболя—1 іюня: мы здѣсь еще почти занесены снѣ-гомъ, а изъ Вазы газеты извѣщали 25 мая: въ началѣ недѣли безопасно переѣзжали по льду изъ Швеціи. Казалось, что лѣта вовсе не будетъ. Въ сѣверной Финляндіи ледъ исчезъ лишь въ началѣ іюня, а около Улеборга онъ лежалъ еще 12 іюня. Въ южной Фин-ляндіи деревья покрылись зеленью лишь къ Иванову дню. Въ нѣ-которыхъ мѣстахъ наблюдалась такая картина: то, что вчера пред-ставляло ослѣпительную снѣжную поляну, сегодня было сплошь покрыто водой. Крѣпкіе морозы смѣнились лѣтнимъ тепломъ. Вес-ны не было, а сразу наступило лѣто, но лѣто необыкновенно ко-роткое. Едва стекли воды съ луговъ, какъ показалась зелень.— Населеніе, сбитое съ толку, не знало за что приняться.—Болѣе сносные всходы хлѣба замѣчались на возвышенныхъ мѣстахъ. Послѣ лѣта сразу наступила зима.

Въ ночь на 4 сентября морозъ повсемѣстно уничтожилъ запоздалый урожай хлѣба. «Я посѣялъ зерна, но пожалъ ледяныя иглы». Можно было предвидѣть съ увѣренностью, что въ слѣдую-щую зиму и лѣто нужда станетъ очень чувствительной, особенно въ сѣверныхъ частяхъ страны. Наступило великое всеобщее бѣд-ствіе. О размѣрѣ бѣдствія говорятъ слѣдующія данныя: урожай далъ въ 1866 году свыше 4 милліоновъ бочекъ, въ 1868 году

нѣсколько менѣе этого количества, урожай-же 1867 года всего 2.424.000 бочекъ. Эти циффы, лишь приблизительной точности, показываютъ дефицитъ голоднаго года, сравнительно съ нормой.

Газеты очень «скупо» оповѣщали своихъ читателей о постигшей бѣдѣ: онѣ точно желали скрыть ее, или показать, что она не столь сильна, какъ ее представляли въ разговорахъ.

Ужасный голодъ 1867 года—самый сильный, какой испытывала Финлядія со времени голода 1697 года: тяжесть неурожая 1862 года была перенесена относительно легко въ сравненіи съ бѣдствіемъ въ 1867—1868 годахъ.

Улеоборгскій губернаторъ фонъ-Альфтанъ писалъ сенату, что для вѣренной ему части края потребуется до 75.000 бочекъ жита. Чтобы получить подробныя свѣдѣнія о нуждахъ народа въ его губерніи и посоветоваться о необходимыхъ мѣропріятіяхъ, онъ просилъ дозволеніе созвать общій губернскій съѣздъ, вродѣ случайнаго земскаго совѣщанія (Landsting). 10-го сентября въ гор. Улеоборгѣ собрались выборные уполномоченные отъ четырехъ городовъ и 60-ти деревенскихъ приходоу. Общее мнѣніе было, что выборные возвратились домой съ приподнятымъ духомъ и очень довольные. Въ остальныхъ частяхъ края губернаторы письменно потребовали мнѣнія общинъ объ ихъ экономическомъ состояніи.

На долю Снельмана выпала тяжелая задача руководить правительственною дѣятельностью, направленною къ облегченію нужды. При этомъ онъ строго держался того принципа, что помощь государства не должна доводиться до размѣровъ, ослабляющихъ заботливость и трудолюбіе частныхъ лицъ. Этотъ умный и энергичный дѣятель понималъ, что нельзя прокормить часть страны на однѣ пожертвованныя деньги, и что населеніе будетъ спасено, когда оно въ самомъ себѣ найдетъ силы выйти изъ несчастія. Съ того времени въ Финляндіи стало укореняться воззрѣніе, что лучше занять деньги для общепользнаго предпріятія, нежели на общественное призрѣніе; лучше оказать помощь предоставленіемъ заработка, нежели раздачею милостыни. Чтобы имѣть свѣдѣнія объ истинныхъ размѣрахъ бѣдствія, Снельманъ вступилъ въ частную переписку съ губернаторами. «Нѣсколько словъ, сказанныхъ частнымъ образомъ, объясняютъ больше, чѣмъ пространныя офиціальныя бумаги», писалъ Снельманъ куопіоскому губернатору С. Г. Антелю. И дѣйствительно, изъ частныхъ писемъ губернаторовъ ему часто удавалось узнавать много существеннаго.

Казна организовала всякаго рода вспомогательныя работы, какъ-то: канализацію, осушку болотъ, спускъ озеръ, постройку

мостовъ и дорогъ, приче́мъ имѣлось въ виду, чтобы работы эти производились въ различныхъ мѣстахъ, для избѣжанія слишкомъ большого скопленія народа.

Высочайшимъ предписаніемъ отъ 24 сентября 1867 года учрежденъ былъ вспомогательный фондъ, для котораго ассигновали жита и наличныхъ денегъ отъ казны до 6.382.000 мар. Но когда денежныя субсидіи предлагались купцамъ, то они отказывались отъ нихъ, зная, что крестьяне не въ состояніи покупать привезенный товаръ. Поэтому само правительство вынуждено было озаботиться ввозомъ хлѣба. Другая часть вспомогательнаго фонда употреблена была на устройство повсемѣстныхъ работъ. Убыль вспомогательнаго фонда отъ этихъ работъ доходила до 4¹/₂ милліоновъ марокъ.

Чтобы получить этотъ вспомогательный фондъ пришлось сдѣлать заемъ у банкирскаго дома М. А. ф.-Ротшильда, въ размѣрѣ 5.529,150 мар., и заимствовать изъ различныхъ наличныхъ фондовъ до 1.100.000 мар. Заемъ у Ротшильда удался не сразу.

«Я писалъ Ротшильдъ, — вспоминалъ Снелъманъ, — жалуясь на наше бѣдственное положеніе, и просилъ у него кредита на 6 милліоновъ. Въ отвѣтъ своемъ онъ выразилъ предположеніе, что бѣдствіе очевидно заставило меня потерять голову, если я могъ допустить мысль, что банкиры изъ собственныхъ средствъ выдаютъ такіе займы. Заключите правительственный заемъ въ обычной формѣ, и я постараюсь, по мѣрѣ возможности, распродать облигаціи. Больше я ничего не могу сдѣлать». Снелъманъ отвѣтилъ, что на столько-то у него хватитъ ума, но что пока будутъ исполнены всѣ формальности правительственнаго займа, и господинъ Ротшильдъ благосклонно распродаетъ облигаціи, финскій народъ успѣетъ уже умереть съ голоду. «При такихъ условіяхъ не годятся обыкновенные окольные пути. Вы должны теперь все таки быть столь добры и взять необходимую для насъ сумму изъ собственнаго кармана». Ротшильдъ помогъ.

Но эти средства оказались недостаточными, чтобы облегчить повсемѣстную нужду. На помощь бѣдствующимъ пришла частная благотворительность общества. Въ пользу голодавшихъ устраивались концерты и лотереи, танцовали и праздновали, ѣли и пили, все обычнымъ шаблоннымъ порядкомъ. Но было придумано и нѣчто новое. Во многихъ мѣстахъ образовались такъ называемыя кустарныя общества, чтобы вызвать новую или увеличенную промысловую дѣятельность, особенно для вывоза за границу. Они заботились объ умноженіи способовъ заработковъ и облегченіи способовъ сбы-